

РУССКАЯ РУЛЕТКА ДЛЯ МИГРАНТОВ: ПРОИЗВОДСТВО НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРАГМАТИКА ФАТАЛИЗМА

С.Н. Абашин

Сергей Николаевич Абашин | <https://orcid.org/0000-0002-4873-1596> | s-abashin@mail.ru | д. и. н., профессор | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская, 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Ключевые слова

транснациональная миграция, миграционная политика, Центральная Азия, фатализм

Аннотация

В фокусе настоящей статьи находятся миграционные законы и практики в современной России. Российский миграционный режим, с одной стороны, позволяет иностранцам из ряда постсоветских стран свободно перемещаться через границы, но с другой стороны, создает сложные и дорогостоящие способы регулирования статусов этих людей. В результате подавляющее число иностранных трудовых мигрантов имеют проблемы с документами, а сам статус правильных документов находится в серой зоне постоянно идущих переговоров мигрантов, предпринимателей, полиции и правозащитников. В своей статье я рассматриваю правило “180/90”, которое регулирует пребывание иностранцев в России с помощью специальной программы автоматического учета выезда из страны и нового въезда в нее. Поскольку работа программы имеет множество сбоев, то возникает ситуация непредсказуемого решения, которую мигранты используют в обход закона для частичной легализации своего положения. Эта связь законов, технологий и мигрантских повседневных практик показывает, как российский миграционный режим управляет миграцией при помощи производства неопределенности.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проекты № 14-18-02149, 14-18-02149А]

Миграционный режим в современной России выглядит парадоксальным: благодаря безвизовому въезду миллионы жителей целого ряда стран бывшего СССР свободно перемещаются через государственные границы, но при этом создаются сложные по процедуре и дорогостоящие способы легализации этих людей, что оставляет значительную часть приезжих без полноценного документального урегулирования. Вследствие такой политики подавляющее число иностранных трудовых мигрантов, уже находящихся в России,

Статья поступила 05.09.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 01.12.2021
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Абашин С.Н. Русская рулетка для мигрантов: производство неопределенности и прагматика фатализма // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 5–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040017>
EDN: HWPGX

Abashin, S.N. 2022. Russkaia ruletka dlia migrantov: proizvodstvo neopredelennosti i pragmatika fatalizma [Russian Roulette for Migrants: Creation of Uncertainty and the Pragmatics of Fatalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 5–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040017> EDN: HWPGX

имеют проблемы с документами, а само понятие “правильные документы” носит неопределенный характер из-за постоянно идущих формальных и неформальных переговоров мигрантов, представителей власти, работодателей и общественных правозащитных структур. Такие переговоры решают так или иначе вопрос о статусе конкретных людей, но не приводят к системной “починке” самого миграционного режима, продолжающего воспроизводить неопределенность, которая, в свою очередь, стигматизирует мигрантов как “нелегальных”.

В статье я рассмотрю правило “180/90” – которое существует в российском миграционном законодательстве и регулирует получение разрешения на временное пребывание, – как один из путей или механизмов производства неопределенности статусов мигрантов. Правило заключается в том, что иностранец, без визы въезжающий в Россию, может пребывать на ее территории 90 дней в течение полугода (180 дней), а оставшиеся 90 дней, т.е. три месяца из шести, он должен находиться за пределами страны, если только не получил патент, разрешение на временное пребывание (РВП) или вид на жительство (ВНЖ), которые позволяют продлить срок проживания на территории России (ФЗ 115). К тому же, что очень важный момент, время пребывания в России высчитывается не пограничниками или полицейскими, а автоматически, специальной компьютерной программой, в которую регулярно загружаются данные о въезде и выезде каждого иностранца. Поскольку вся эта процедура учета – ввод данных, работа самой программы – сопряжена со множеством сбоев технического или человеческого свойства и нарушитель обнаруживается с некоторым, иногда существенным, опозданием, то возникает ситуация продолжительной неопределенности, которую многие мигранты используют, чтобы нарушить правило “180/90”, въехать в Россию раньше допустимого и получить все формально законные документы для нахождения в стране. При этом в любой момент упомянутая программа может автоматически вычислить нарушение, выставить в базе данных галочку против имени того или иного человека, лишив все его документы легальности, и назначить наказание – обычно запрет на въезд в Россию. Такая неопределенность, когда документы еще действуют, но в любое мгновение могут превратиться в филькину грамоту, может длиться долго, иногда даже годами; она является и постоянной угрозой, и одновременно возможностью и способом урегулирования мигрантами своего статуса.

Анализ законов, технологий, институтов, сетей и практик, создающих неопределенность и позволяющих нормализовать ее, я этнографически проиллюстрирую конкретным примером истории одной женщины из Узбекистана, за миграционной жизнью которой мне пришлось наблюдать много лет. На момент нашего знакомства 50-летняя Нодира уже десять лет работала в Москве няней. Она родом из большого узбекского города – областного центра, имеет высшее образование, знает русский язык как родной. Необходимость заработать на обустройство (женитьбу, образование) трех своих детей, двух дочерей и сына, заставила Нодиру еще в середине 2000-х годов переехать на работу в Россию. По миграционным правилам, введенным в 2014 г., она оформила патент и ежемесячно платила за него в течение двух лет, что давало ей возможность все это время законно находиться в стране и заниматься трудовой деятельностью. По истечении этого срока Нодира должна была выехать домой в Узбекистан, пробыть там три месяца, потом вернуться в Россию и снова получить/купить патент. Однако, опасаясь потерять выгодное рабочее место, она этого не сделала и перешла в другой режим жизни: отказалась продлевать патент и стала раз в три месяца выезжать за пределы России и тут же въезжать обратно, это дало ей возможность получать на границе новую миграционную карту и находиться в стране следующие три месяца. Она рассказывала мне об этом выборе как об открытии:

Н.: Я думала, что нужно будет для продления своего патента... Чтобы я продлила и заново не делала все. Но как выяснилось, что... [смеется...] оказывается легче выехать и приехать. Делать обратно патент, чтобы сделать патент, продолжение патента – там куча всего. Всяких много надо. Оказывается, можно было сделать просто частный визит – написать и каждые три месяца это обновлять: выезжать-приезжать... Я сама была в шоке, говорю: «Ой, а мы-то ходим тут по четыре тыщи платим это все, и, оказывается, можно так, и там многие сказали, говорят: “Оказывается, можно и так”».

В новом ритме мигрантской жизни Нодира было, правда, сразу два серьезных отступления от российских законов. Женщина не имела права в таком статусе наниматься на работу и, пересекая границу туда-обратно, она нарушала упомянутое правило “180/90”. Если риск оказаться поиманной и наказанной за недокументированную трудовую деятельность был не очень высоким, так как Нодира работала няней в домашних условиях, где она была защищена работодателем от внешнего контроля, то риск оказаться невъездной в Россию при пересечении границы был более серьезным: компьютерная программа, которая фиксировала все ее выезды и въезды, могла в любой момент поставить запрет на въезд в Россию на несколько лет. Иначе говоря, любая проверка пограничным контролем при следующем пересечении границы теперь грозила Нодире отправкой надолго домой, полной потерей заработков и рабочего места. В наших с ней разговорах она неоднократно демонстрировала совершенно ясное осознание этого риска. Вот, например, как эта тема звучала в ее рассказе о встрече с полицейским в московском метро:

Н.: Это было... в июне что ли... Я такая иду. И меня так: “Можно? Девушка?!” Я хотела сказать: “Спасибо Вам за девушку!” [смеется] – “А можно, – говорит, – у Вас... документы”. Я говорю: “А что случилось?” – “Ну, просто, – говорит, – проверка”. Так посмотрел, говорит: “А-а”. Потом так... Очень много печатей же у меня в паспорте. Пересечение границы, очень много же я выезжала, приезжала. “Что-то Вы, – говорит, – такая путешественница”. Я говорю: “Ну да, – говорю, – такая у меня работа, что, это, езжу туда-сюда”. – “А-а, да?” Ну, не спросил, что за работа, что это. Говорит: “Ну да, хорошо”. Завели меня в этот... У них есть ведь эти маленькие закуточки. Там он посмотрел, весь мой паспорт посмотрел, потом сказал, что мы с ним в один день родились. Я говорю: “Ой, как приятно”. В общем, посмеялись, посмеялись, он меня отпустил. Я даже не поняла, думаю, чего такое. Ну, он посмотрел, регистрация новая, там, всё, я не нарушала. Но он мне, правда, сказал, что я нарушаю. Что я должна 90 дней находиться.

С.: Он Вам сказал это?

Н.: Да! [смеется]

С.: А Вы что ответили?

Н.: Я говорю: “Я знаю, – говорю, – но я же прохожу”. Он говорит: “Да, Выходите, но Вам везет. Но когда-нибудь у Вас *выстрельнет* это”. Я говорю: “Я это знаю”. Он говорит: “Ну, вот, – говорит, – будьте начеку”.

Несмотря на вполне реальные перспективы наказания за нарушение правила “180/90”, Нодира считала свой выбор правильным и более для нее выгодным и приемлемым, нежели прежнее оформление патента, которое, казалось бы, гарантировало ей спокойное будущее. Зацепившись за слово “прострельнуть”, которое моя собеседница повторяла каждый раз, когда речь шла об этой практике, я решил называть эту ситуацию “игра в русскую рулетку” – метафорический образ непредсказуемого исхода, иррационального риска и фаталистического отношения к судьбе.

В ситуации, аналогичной той, в которой оказалась Нодира, находятся сотни тысяч трудовых мигрантов из нескольких постсоветских стран, имеющих безвизовый режим с Россией. Они вполне сознательно выбирают рискованный путь нарушения миграционных законов и приспособляются к жизни в ожидании наказаний. Ситуацию “игры в русскую рулетку” создают несколько

факторов: сами российские законы, которые обеспечивают неопределенный характер миграционных статусов; институты и способы миграционного контроля, которые формируют циклы и практики производства этой неопределенности; разнообразные неформальные социальные сети и инфраструктуры, которые оказывают мигрантам поддержку и помогают адаптироваться к такой неопределенности. Риски, которые кажутся на первый взгляд высокими, в совокупном действии всех этих факторов становятся вполне допустимыми и оправданными, с точки зрения самих мигрантов, которые, используя пробелы и “поломки” миграционного режима и исходя из имеющихся ресурсов и планов, выбирают именно этот риск как свою основную миграционную стратегию. Как и в “русской рулетке”, опасности просчитываются и по возможности минимизируются, но одновременно к ним готовятся и принимают их как неизбежность.

Далее в своей статье я намерен более детально проанализировать, каким образом устроены и взаимодействуют миграционные нормы, практики и сети, как с их помощью создается неопределенность миграционного статуса и как последняя включается в планы, повседневность и адаптационные тактики мигранта. Исследование было проведено в 2014–2018 гг. в рамках проекта по изучению транснациональных миграций между Россией и Средней Азией и дополнено наблюдениями и интервью в 2020–2021 гг.¹. Методология исследования включала в себя развернутые интервью с иностранными мигрантами в России и их близкими в стране происхождения, эти встречи повторялись на протяжении ряда лет, тем самым появлялась возможность наблюдать, как складывалась судьба каждого человека, с которым установились постоянные контакты. Настоящий текст не ставит своей целью разбирать все возможные сценарии трудовой деятельности и легализации мигрантов. Пример Нодиры был выбран в качестве базового не как репрезентативный и обобщающий случай, а как повод погрузиться в этнографическую конкретику при обсуждении проблемы взаимосвязи миграционного режима, миграционных технологий, институтов и практик с планами и действиями мигрантов.

Новая историография миграции в Россию

Трудовая иностранная миграция в Россию совсем недавно, всего около двух десятков лет назад, стала предметом растущего интереса. Основное место в ее изучении занимают причины, структура и сценарии миграции, их обсуждение обычно фокусируется на экономике и демографии (*Denisenko et al.* 2020). Значительный корпус академической и экспертной литературы посвящен тому, каким образом и в какой мере мигранты становятся жертвами российского миграционного режима, как они преследуются полицией и другими государственными службами, эксплуатируются работодателями и посредниками из своей собственной среды, стигматизируются политиками и СМИ, ксенофобски и расистски притесняются в повседневном быту окружающими людьми (*Kuznetsova, Round* 2019; *Malakhov, Simon* 2018; *Alexseev* 2015; *Поletaев* 2014). Некоторые работы рассматривают разных акторов миграционного регулирования, показывая пересечение множественных ситуаций и интересов, формирующих миграционную политику (*Мукомель* 2005: 80–113; *Schenk* 2018). Существует литература, которая оценивает характер интегрированности мигрантов в российском обществе и указывает на различные препятствия, которые мешают полному их включению в него (*Varshaver, Rocheva* 2021; *Варшавер, Рочева* 2015; *Карпенко* 2016).

Вопрос об интегрированности связан с темой производства легальности/нелегальности, а также с темой субъектности мигрантов, использующих неформальные практики адаптации к режиму миграционной неопределенности

(*Urinboyev 2021; Kubal 2017; Reeves 2013; Григоричев 2012*). Целый ряд исследований говорят о мигрантских сетях и инфраструктурах, создающихся в России (*Demintseva 2020; Kashnitsky, Demintseva 2018; Turaeva 2018; Varshaver, Rocheva 2018*), есть работы о транснациональных связях, которые становятся ключевыми в повседневности и планах мигрантов (см., напр.: *Бредникова, Абашин 2021*).

Несмотря на растущее число публикаций о международной миграции в Россию, само это исследовательское поле испытывает ряд трудностей. По-прежнему заметен большой недостаток официальных информации и статистики, которые остаются неполными, закрытыми и непрозрачными. Проекты изучения миграции развиваются раздельно по дисциплинарным и методологическим направлениям. Проблематики миграционной политики и повседневных миграционных практик, сетей и инфраструктур, интеграции и транснационализма существуют как будто по отдельности, не пересекаясь и не обуславливая друг друга. Хотя появились работы с осмыслением специфики российской/постсоветской миграции, весь концептуальный аппарат заимствуется в основном из исследований, посвященных США и странам Европы.

В своей статье я попытаюсь соединить изучение перспектив того, как устроены миграционные законы и как работают механизмы миграционного регулирования, с анализом реакций и способов адаптации мигрантов к этим условиям. Я ставлю своей целью увидеть некоторые особенности российского случая и одновременно вписать его в общую проблематику изучения миграции в мире.

Я покажу на примере работы правила “180/90”, что миграционное законодательство в России устроено таким образом, чтобы сохранять постоянную неопределенность статуса трудовых мигрантов. В этом отношении российская миграция вписывается в общий глобальный миграционный режим, который воспроизводит “нелегальность” как свой фундаментальный способ управления (*De Genova 2002; Ngai 2014*). Миграционные режимы, пишет Мае М. Нгай, “создали нелегального чужака в качестве нового юридического и политического субъекта, включение которого в нацию было одновременно социальной реальностью и юридической невозможностью, – субъекта, лишённого гражданства и не имеющего прав” (*Ngai 2014: 4*). Я покажу также, что российское миграционное управление выстраивается не только через “пограничный спектакль” (*De Genova 2002: 436–437*), т.е. пограничную политику контроля за границей, и не только через “бумажную работу” (*Borrelli, Andreetta 2019*), т.е. полицейскую политику сбора и аутентификации документов, но и через создание тотальной базы данных на всех мигрантов и цифрового мониторинга любых их следов. Российские власти активно внедряют в миграционное регулирование электронные средства слежения и категоризации, которые автоматически распределяют иностранцев на “легальных” и “нелегальных”, при этом недоработки используемых программ и постоянные ручные вмешательства в них воспроизводят зыбкие полулегальные статусы.

Далее я покажу, каким образом сами мигранты приспосабливаются к режиму “нелегальности”, достраивают его своими неформальными практиками, сетями и инфраструктурами, которые позволяют нормализовать повседневную жизнь в условиях ограничений. Я подчеркну, в частности, особенность российского случая, в котором государственная граница, открытая и легко пересекаемая для многих трудовых мигрантов из бывших советских окраин, используется не для делегализации мигрантов (*De Genova 2013*), а напротив, восстанавливает нормализованный статус пребывания в России и служит средством защиты от повседневного государственного насилия. В то же время я отмечу, что сама эта нормализация вписана в существующий миграционный режим и воссоздает ситуацию непредсказуемости, которую этот режим поддерживает.

Наконец, вернувшись к примеру узбекской няни Нодире, я покажу, как мигранты включают эту неопределенность, эту “русскую рулетку” российского миграционного режима, в свои повседневные практики. Эти повседневные практики, планы и сопутствующие им аффекты схожи с теми, что возникают в состоянии “депортированности” (*deportability*), которое многократно описано на примере миграции в Америке и Европе, где, как пишет Николас Де Женова, «[н]елегальность” мигрантов переживается через осязаемое чувство депортированности, т.е. возможность депортации, возможность быть удаленным из пространства национального государства» (*De Genova* 2002: 439). Ощущаемое состояние, возникающее из постоянной угрозы физического исключения, предопределяет целый репертуар эмоций и действий, благодаря которым жизнь мигрантов становится одновременно постоянной и временной, укорененной и готовой к самой радикальной перемене. Вместе с тем я покажу, что российский миграционный режим выстроен не столько вокруг депортации, которая, конечно, тоже осуществляется, сколько вокруг запретов на въезд. Эти запреты не приводят к моментальному удалению мигрантов с неурегулированным статусом из России, но грозят в любой момент “выстрелить” и прервать миграционную биографию. Я попробую описать, как такая угроза формирует особые переживания и поведения, которые я назвал прагматикой фатализма.

Миграционный режим: “где родился, там и пригодился”

Совокупность миграционных законов и инструкций, институтов, политических программ и заявлений, которую я называю общим термином “миграционный режим”, производит правовую неопределенность статусов мигрантов, что, в свою очередь, позволяет стигматизировать значительную их часть как “нелегальных”. Российские чиновники, говоря о целях миграционной политики, регулярно озвучивают одной из своих главных задач максимально полную легализацию статуса и деятельности иностранных граждан в России. Однако, несмотря на эти риторические призывы, количество трудовых мигрантов, не имеющих полного набора документов и попадающих так или иначе в категорию “нелегальных”, остается стабильно довольно высоким. Если продолжить пример Узбекистана, откуда родом Нодира, то всего в августе 2019 г. в России одновременно находилось 2,2 млн граждан этой страны (*Мкртчян, Флоринская* 2019: 40), в том числе, по грубым оценкам, не менее 1,8–1,9 млн человек – это трудовые мигранты, из которых около 1,1–1,2 млн имели возможность работать законно, т.е. получили патент, РВП и ВНЖ. От 600 до 800 тыс. мигрантов из этой страны, по приблизительным оценкам, находились и трудились в России по разным неформальным, недокументированным схемам (*Трушин* 2019).

Разрыв между пожеланиями и реальной картиной возникает и устойчиво, несмотря на официальные декларации, сохраняется потому, что сами же чиновники сознательно строят в России такой миграционный режим, который выталкивает мигрантов в сферу “нелегальности”. Помимо задачи минимизировать издержки и максимизировать прибыли, связанные с миграцией, их интерес состоит в том, чтобы сохранять для себя возможность при необходимости ограничивать въезд мигрантов в Россию. Мэр Москвы Сергей Собянин в одном из своих выступлений в 2017 г. признал, что российский мегаполис, в который направлен самый большой поток иностранных мигрантов, будет испытывать без них дефицит рабочей силы, при этом он добавил: “Не надо такие искусственные потоки создавать, как в Европе. Каждый должен жить в своей стране. Где родился, там и пригодился” (*ГоворитМосква* 2017).

Исходя из этой политической логики в законы и правила регулирования миграции включено множество норм, которые оставляют на личное усмотрение чиновникам разного уровня объявление больших масс людей “нелегальными” и, соответственно, подлежащими высылке или получению запрета на въезд. Эта схема гибкая, она позволяет чуть ужесточать или чуть смягчать правила в зависимости от потребностей экономики и наличия масштабных проектов, требующих концентрации рабочей силы, а также от политической ситуации вроде выборов или необходимости влияния на отношения с другими странами. Я не описываю эти интересы как специальный продуманный план, они формируют миграционную политику скорее спонтанно, как постоянный поиск баланса множества политических и административных акторов.

Например, главный на сегодняшний момент механизм регулирования трудовой миграции из ряда постсоветских стран, с которыми в России отсутствует визовый режим, через получение патента действительно представлялся наиболее простым и эффективным для легального оформления пребывания и трудовой деятельности мигрантов. Именно так он задумывался экспертами, которые приветствовали миграционную реформу 2014 г. Но в процессе разработки механизма получения патента разные ведомственные и политические лоббисты, кроме ежемесячного авансового платежа, примерно равного среднему подоходному налогу в том или ином регионе, предусмотрели еще несколько обязательных условий: оформление регистрации (ее до сих пор называют по большей части “пропиской”), сдачу медицинских анализов, покупку медицинской страховки (фактически не действующей), сдачу экзамена по русскому языку и российской истории. Кроме того, сам патент дает возможность работать только в одном регионе и только по заявленной профессии, а получение нового патента нужно оплачивать заново. Общая стоимость патента, например, в Москве, включая все разовые формальные и неформальные расходы на его получение, может составлять 10–30% обычного мигрантского годового заработка. Соблюдение всех этих и многих других условий возможно при пунктуальности и строгом следовании временным графикам, малейшее отклонение от которых тут же прерывает процедуру легализации. В итоге вся эта механика, связанная с патентом, оказывается организационно сложной, неудобной и довольно дорогой, т.е. создает разные препятствия для легализации, требуя порой от многих мигрантов чрезмерных усилий и затрат (Тимошкин 2019).

Наказания за невыполнение множества правил сильно варьируются в зависимости от характера нарушения миграционных законов: мигранта могут на первый раз оштрафовать, на второй или третий – предложить после оплаты штрафа добровольно покинуть Россию, угрожая принудительной депортацией; сама мера депортации связана нередко с длительным содержанием в лагерях тюремного типа (Turaeva, Amon 2021). Наиболее болезненным для трудовых мигрантов является запрет на въезд в Россию (Kubal 2017), который отрывает их и их семью от источников дохода и нередко ставит на грань выживания у себя на родине.

Особенностью миграционного режима является существование параллельно с механизмами выталкивания мигрантов в неопределенность и “нелегальность” целой инфраструктуры возвращения к нормализованному и урегулированному статусу. Часть этой инфраструктуры имеет вполне формальный характер: юристам, адвокатам и правозащитникам удастся в рамках досудебных переговоров и судебных процедур, используя противоречивый характер законов и инструкций, добиться отмены санкций в отношении мигрантов, в том числе запрета на въезд. Часть инфраструктуры работает неформально: с помощью личных договоренностей или взяток, передаваемых напрямую либо с помощью посредников, удает-

ся избегать применения санкций или откладывать их (*Urinboyev* 2021); массово фабрикуются поддельные или получаются незаконные документы, которые не всегда просто отличить от “чистых” бумаг, что становится предметом отдельных переговоров мигрантов и полиции (*Reeves* 2013). Упомяну еще одну практику управления миграцией, которая еще больше усложняет ситуацию. Речь идет об амнистиях для мигрантов. Таких амнистий для граждан Кыргызстана, Молдовы и Таджикистана в 2015–2019 гг. уже было три, в результате чего сотни тысяч мигрантов были формально освобождены от наказаний, прежде всего запрета на въезд в Россию. Вся эта сложная инфраструктура позволяет, таким образом, автоматический способ превращения почти любого мигранта в “нелегала” уравновесить столь же легким способом обратного превращения “нелегала” в (полу)документированного мигранта.

Правило “180/90” и поломки автоматике

Миграционные нормы, правила и технологии имеют внутри себя множество противоречий, пробелов и “поломок”. Трудовые мигранты маневрируют в пространстве миграционных ловушек и активно используют недостатки режима для того, чтобы сохранить те или иные элементы легальности, которые позволяют им оставаться в России и при этом снижают возможные издержки и риски. Одним из примеров такого маневрирования является использование мигрантами, приезжающих в Россию без виз, правила “180/90” дней.

Напомню еще раз, что это правило работает при помощи специальной базы данных и программ, по определению Мадлен Ривз, “рекомбинантных человеческих и нечеловеческих систем, через которые движение человека систематически направляется, фильтруется и прекращается” (*Reeves* 2017: 298). База данных называется “Центральный банк данных по учету иностранных граждан” и собирается с 2011 г.; сначала она находилась в ведении Федеральной миграционной службы, а после расформирования последней в 2016 г. перешла вместе со всеми миграционными делами под контроль Министерства внутренних дел. База фиксирует персонально каждого иностранного гражданина в моменты пересечения им российской границы в обе стороны, а также любые изменения в его статусе, которые производятся официальными институтами. В нее вносятся информация об административных нарушениях, оформленных полицией. В программы обработки данных включены алгоритмы, которые, в частности, позволяют определять нарушение срока нахождения в России (“180/90”) и автоматически составлять списки иностранцев, подлежащих наложению запрета на въезд, известные как “черные списки” (*Reeves* 2017).

В работе этой базы тем не менее существуют слепые зоны, требующие постоянного вмешательства человека. Поскольку не все иностранные паспорта оснащены электронной информацией, часть данных загружается в базу вручную, что допускает возможность ошибок; несовпадение же хотя бы одной буквы в имени и фамилии, одной цифры в дате рождения, опечаток в других персональных характеристиках сразу создает виртуального мигранта-дубликата, который живет своей собственной электронной жизнью и учитывается в статистике как отдельный человек. Такая проблема до расформирования миграционной службы отчасти решалась постоянной сверкой данных, поиском дубликатов и их ликвидацией (объединением с одной реальной фигурой), что требовало немало времени и опять же ручного контроля. Эта процедура на жаргоне миграционных чиновников называлась “схлопывание”. Однако передача базы данных из гражданского управления в полицейское министерство сделала и этот процесс более длительным и менее качественным из-за закрытости самого института МВД и

сокращения технического персонала. Еще одним слепым пятном базы данных и программы ее обработки является коммуникация между разными ведомствами, например, пограничной службой и полицией: хотя электронная система подразумевает моментальную передачу информации между ними, на практике институциональная граница все время тормозит этот процесс, видимо, какими-то внутренними вмешательствами в процесс. Наконец, сами программы обработки данных несовершенны и допускают время от времени технические сбои, что требует времени на их обнаружение и “починку”. В результате “Центральный банк данных по учету иностранных граждан” сам по себе производит большую степень “инфраструктурной неопределенности” (Reeves 2017), умножая неопределенность законов, о которых я говорил раньше: вся процедура поиска и фиксации нарушений миграционных правил может затягиваться на длительный срок, иногда даже на несколько лет.

Пробелы и поломки в автоматическом режиме контроля создают множество практик, с помощью которых мигранты могут обманывать компьютерную программу. Самая простая – это использование поддельных (или чужих) документов, что позволяет при встрече с полицейским внутри России быть незамеченным при процедуре “пробивки по базе”, которая устанавливает связь между конкретным человеком и его электронным следом. Однако такой путь не позволяет мигранту совершать новые путешествия через российскую границу, получая легальные разрешения на работу и в случае обнаружения грозит уже уголовным наказанием. Другой распространенный способ – вполне легальная замена старого паспорта на новый в стране происхождения с изменением имени-фамилии, хотя бы нескольких букв в них, что сразу создает нового человека в миграционной базе при пересечении границы. Он, однако, стал тоже рискованным после того, как “банк” стал пополняться данными об отпечатках пальцев мигрантов, что тут же криминализовало въезд в Россию с подправленным паспортом. Существует, хотя и не является массовой, экстремальная практика обмана всей этой системы автоматического контроля, она заключается в том, чтобы переходить границу, минуя пограничные службы. Такие нарушения выводят мигранта даже из серой зоны, целиком криминализует его пребывание в России и требует, соответственно, особых, имеющих не у всех навыков выживания в миграции.

Выезд-въезд

Поскольку способы обмануть автоматическую систему контроля мигрантов ограниченные и часто дорогие, так как требуют расходов на поддельные документы или взятки, то основной тактикой становится использование правил, зазоров и поломок самой системы для того, чтобы продолжать свою миграционную жизнь. Непредсказуемость срока, в который компьютерная программа обнаружит факт нарушения закона, открывает возможность сыграть с ней в “русскую рулетку”. Мигрант может продолжать в нарушение правила “180/90” регулярно, раз в три месяца, выезжать из России и сразу въезжать обратно – каждый такой въезд дает ему новую легальную миграционную карту с пометкой “частная поездка” (вместо “работа”) и очередной штамп в паспорте, которые пограничники и полицейские признают законными. Эти перемещения прерываются лишь после того, как в конце концов компьютерная программа “выстрелит”, т.е. поставит галочку против конкретного имени в базе и включит его в “черный список”, – пограничник/полицейский, наконец, сможет увидеть нарушение и объявить мигранту решение о запрете на въезд в Россию.

Следуя этой открывшейся возможности до поры до времени без немедленных последствий нарушать правило “180/90” и получать к тому же законные

документы, многие тысячи мигрантов регулярно раз в три месяца доезжали/долетали до ближайшей границы со странами, куда им не требуется виза, там формально покидали территорию России и тут же, через несколько часов или дней, возвращались обратно². При наличии компьютерной программы пограничники освобождены от обязанностей контролировать и ограничивать время пребывания безвизового иностранца в России, т.е. даже если он не выполнил правило “180/90” и не имеет права въезжать на российскую территорию, пока в базе данных не появилось отметки об этом, его никто на границе не остановит, мигрант считается легально въехавшим. Новая миграционная карта не дает сама по себе возможности получить разрешение на работу (для этого гражданину того же Узбекистана нужен патент), но если в паспорте стоит штамп, свидетельствующий о том, что три месяца пребывания в России не истекли, то в публичном пространстве это будет гарантией для свободной городской мобильности без каких-либо наказаний, а этого уже достаточно, чтобы неформально наниматься на работу и зарабатывать.

Такой способ приспособиться к миграционным правилам имеет очевидный плюс в глазах мигрантов – это экономия заработанных денег. По подсчетам моего собеседника, мигранта из Узбекистана Алишера, а он как раз занимался до пандемии организацией этого бизнеса по выезду-въезду, одна автомобильная поездка из Москвы к границе Казахстана (а в прошлом и Украины) стоила мигранту 5 тыс. руб. туда-обратно, еще 1 тыс. руб. уплачивалась за спокойное прохождение границы с российской и украинской/казахстанской сторон, плюс дополнительно 1,5 тыс. руб. – местным перевозчикам, если мигрант решался не самостоятельно переходить границу, а сделать это на машине без очереди. Три-четыре таких поездки в год, оформление новых въездных документов вместе с обязательным, после каждого получения новой миграционной карты, продлением регистрации стоят около 35–45 тыс. руб., что экономит мигранту в год 50–60% той суммы, которую он должен был бы потратить на связанные с патентом расходы. К тому же “выезд-въезд” позволяет сохранить более высокую мобильность (возможность перебраться в другой регион России).

Вокруг практики “выезда-въезда” сложилась своя собственная инфраструктура, которая максимально упрощает и удешевляет весь процесс, приспособлявая его для массового использования (*Urinboyev* 2021: 130–131). Ключевыми фигурами этой инфраструктуры являются “таксисты”, т.е. владельцы частного или арендованного транспорта, обычно миниавтобуса на 7–8 мест, они обеспечивают постоянную перевозку иностранцев до границы и обратно. “Таксисты”, к числу которых принадлежал упомянутый Алишер, сами, как правило, являются мигрантами, но имеющими, в отличие от своих пассажиров, все необходимые легальные документы на проживание и работу в России. Владельцы транспорта вписаны в мигрантские социальные сети через своих земляков, родственников и знакомых, что обеспечивает их непрерывную (через мобильные телефоны и интернет-мессенджеры) связь с клиентами и необходимое для устных договоренностей взаимное доверие. У каждого из них формируется круг постоянных пассажиров, при этом “таксисты” собираются в команды, чтобы обмениваться клиентами и помогать друг другу в дороге. “Таксисты” дорожат своей репутацией, должны быть внимательными водителями и хорошо знать дорогу, все удобные остановки и объездные пути, а также в их функции входит установление надежных контактов с полицейскими по пути следования транспорта к границе, чтобы максимально обезопасить путешествие. До пандемии “таксист” совершал 7–8 поездок в месяц и имел, соответственно, немаленький доход – до \$2000.

Инфраструктура “выезда-въезда” адаптируется к разного рода изменениям. Долгое время вся процедура для мигрантов, работающих в Москве, занимала

сутки и проходила в основном через российско-украинскую границу, а когда она несколько лет назад закрылась, мигранты стали переориентироваться на Казахстан. Существуют и другие маршруты, в том числе авиаперелеты в Армению и Азербайджан, реже в Турцию. Меняется и сама процедура: если в прошлом “таксисты” довозили мигрантов прямо до “таможни”, как назвал Алишер пограничный пункт, сами передавали паспорта и деньги пограничникам, то какое-то время назад они стали направлять своих клиентов местным водителям, не доезжая до “таможни”. Те на автобусах отвозят мигрантов к границе и пропускают через сеть своих доверенных лиц среди российских и казахстанских полицейских и пограничников. Такое увеличение и усложнение цепочки, с одной стороны, давало возможность большему числу людей получать доходы за счет мигрантов, с другой – предохраняло всех ее участников от возможного внешнего контроля.

В месяц, по подсчетам Алишера, через границу только на одном пограничном пункте проходило таким образом в среднем 15 тыс. мигрантов, и годовой оборот одной “таможни” только на них мог составлять около \$2,5 млн. Это означает, что практика “выезда-въезда” была выгодна не только мигрантам, но и пограничным службам двух стран, а также “таксистам”, местным водителям, полицейским и многочисленным представителям сферы разнообразных услуг по дороге к границе и возле нее. Сложившаяся инфраструктура, в которой было задействовано большое число людей и институтов, являлась тем фактором, который делал массовое нарушение правила “180/90” необременительным и обыденным.

Прагматика фатализма

На вопрос, много ли было запретов на въезд в результате нарушения правила “180/90”, мой собеседник Алишер, которому по роду деятельности приходилось наблюдать, как кто-то из его клиентов возвращается с “таможни”, а кто-то уже не возвращается из-за запрета на въезд, безапелляционно ответил: “Один к ста”. Скорее всего, он сильно преувеличивал, поскольку соотношение числа таких запретов к возможному числу недокументированных мигрантов составляет, по грубым подсчетам, не более 1:10³. Тем не менее такая субъективная оценка заниженной вероятности “выстрела” в игре в “русскую рулетку” показывает распространенное среди самих мигрантов мнение о допустимости такого риска. Каким же образом риторически конструируется это ощущение?

Вернусь к истории узбекской няни Нодиры, живущей и работающей в Москве. Узнав с изумлением, что она отказалась от патента и решила строить легальность своего статуса с помощью “выезда-въезда”, я несколько раз в разговоре с ней пытался понять мотивы ее выбора. На первый взгляд, главным аргументом была экономия денег. Размер заработков является одним из ключевых ориентиров в поведении трудовых мигрантов, они постоянно сами говорят об этом, обсуждают доходы и расходы, дорожат каждой копеей в России, покупательная стоимость которой в стране исхода значительно возрастает. Расходы, связанные с патентом, составляли около 10% от доходов Нодиры. Эта доля, хотя и не выглядит критической, для нее является существенной, учитывая, что еще не менее 30% она должна тратить на съем жилья, еду и другие повседневные нужды. Нодира, как и большинство трудовых мигрантов, настроена на сбережение и аккумуляцию максимально возможной суммы для будущих трат на своей родине – обычно это большие разовые расходы на покупку/строительство жилья или другие значительные приобретения, на свадьбу или социальные обязательства (*Rubinov 2014*).

Нодира много жаловалась мне на высокие расценки на патенты и ежемесячную плату за них, говорила о том, что ей “жалко” расставаться с деньгами, борьба за которые – поиск работы, переговоры с работодателем – дается ей тяжело физически и эмоционально. С ее точки зрения, обновление миграционной карты раз в три месяца вместо патента – это самая экономная процедура получения наиболее “чистых” документов. Ей потребуется три раза за год сделать фиктивный выезд-въезд, что уменьшит статью расходов на легализацию более чем в два раза. Нодира сначала планировала ездить в Казахстан, но, побоявшись неудобств – незнакомых попутчиков, неизвестности, которая ее ждет в дороге, – а также из-за страха остаться в Казахстане в случае возможного запрета на въезд, предпочла более комфортный вариант: рейсовый самолет из Москвы в Армению (в Гюмри) и обратно, что немного увеличивало расходы, но все равно обеспечивало заметную экономию. Еще один-два раза в год Нодира делала реальный “выезд-въезд” – домой в Узбекистан в отпуск, где ее ждали дети, внуки, родственники и подруги, какие-то неотложные дела и обязательства.

И все же экономический аргумент вызывал во мне сомнения и чувство недосказанности. Ведь взамен не критичной экономии Нодира поставила себя в положение, когда может в любой момент, как это решит “русская рулетка”, лишиться вообще возможности жить и зарабатывать в России. И сама няня явно не была полностью удовлетворена этим объяснением, на мои расспросы она реагировала нервно (Reeves 2015):

С.: То есть Вы каждый раз...

Н.: Рискую, да. А я тоже, даже два месяца вот меня не было... Я уже... У меня такое уже... Я хожу, там эти, паспортные контроли же, несколько, в аэропорту. Так – эта чего-то придирается, раз, хожу, там уже к другому, смотрю, к другому. Думаю – не, надо к мужчине [смеется].

С.: А это не от него зависит, это зависит от машины.

Н.: Это зависит-то, конечно. Это я просто сама себя успокаиваю.

Нодира постоянно вопрошает других и себя: “А вдруг?” И дает ответ: “А что, боишься? Не надо бояться, надо делать, идти и все, ничего не будет”. В разных вариациях ее ответов на мой вопрос “почему?” были слышны фаталистические мотивы или даже некоторое бравирование: “Риск – благородное дело”. В узбекском обществе принято любой план и выбор сопроводить словами “худо хохласа”, в переводе – “если Бог захочет”, или “дай Бог” (или в более арабизированном и исламизированном варианте “Иншалла”). Эта фраза означает одновременно и веру в предопределенность судьбы, и пожелание удачи, и своеобразное предохранение от сглаза. Однако в этом фатализме ощущалась какая-то недоговоренность, мне он казался не всегда до конца убедительным и больше риторическим, принятым способом публично ссылаться на неизбежность судьбы или волю высших сил. Я снова и снова продолжал терзать Нодиру вопросами, поскольку ее решение вызывало у меня недоумение.

Из-за недостатка убедительности экономических расчетов моя собеседница предлагала каждый раз новые ответы – и не только для меня, но и для себя самой. Важным для нее аргументом было то, что так делают “многие”, “все”, что ее “убедили” в том, что она “зря” берет патент. Эта отсылка на “всех” работала как в 2014 г., когда женщина уверенно рассуждала о необходимости брать патент, в 2016 г., когда ее одолевали сомнения и страхи по поводу определения дальнейшего пути легализации, так и в 2017 г., когда она от патента совсем отказалась и оправдывала это решение. Во всех случаях “все” были на ее стороне, несмотря на разные выводы. В разговоре Нодира также

ссылалась на пример и уговоры брата мужа, который, будучи мигрантом в Москве, перестал брать патент и стал ездить к границе с Казахстаном. Для женщины дополнительным аргументом в пользу такого решения было и то, что “некоторые говорили: мы уже пять лет так делаем, и нормально”. Такое следование уже распространенной практике, подкрепленное общим мнением, что ловят только, по выражению Алишера, “одного из ста”, имело уже не экономическую, а скорее этическую и социальную рациональность: быть как все, быть не хуже других.

В ответах Нодиры я слышал и иные соображения, которые подкрепляли ее выбор. Расчеты строились на поддержке миграционных инфраструктур или даже просто отдельных знакомых, которые нашли ключик к миграционным технологиям контроля. Вместе с Нодирой в России работают две ее сестры, одна из которых уже попадала в аналогичную ситуацию:

Н.: Ну, вот, сестру тоже один раз... Ей запрет поставили. Она как-то не делала вовремя регистрацию, вот, которая в Сити.

С.: Ну, это давно?

Н.: Это давно было. Ну... Сколько ей. Ну, да, три года назад. Ей... она въезжала, ей говорят – у Вас запрет. У Вас на три года запрет. Ну, у нее хозяин очень хороший. У него здесь все... как бы, всё схвачено. И она ему позвонила с аэропорта. “Всё-всё, решу, сейчас решу”. Но она сутки просидела в аэропорту.

С.: Но он решил эту ситуацию?

Н.: Он решил, ее пропустили...

С.: Ну, то есть Вы думаете, что хозяин... Сестра попросит, и хозяин тоже...

Н.: Я на счет себя-то не думала. Но мне моя хозяйка говорит: “Вы смотрите, не рискуйте! У меня таких знакомых нету, чтобы Вас вызволить” [смеется].

С.: Ну, вот... хозяин сестры. Если что есть... Можно попробовать.

Н.: Ну, если попробовать, да. Но такое, *дай Бог*, чтобы не случилось.

Сестра смогла решить проблему запрета на въезд благодаря вмешательству своего влиятельного работодателя. Как это ему удалось – остается загадкой, но сам этот факт показывает, что система автоматического контроля за миграцией вполне доступна для вмешательства, или, по крайней мере, пограничники могут на нее не обращать внимания и принимать решения без оглядки на “черный список”. Опыт сестры и ее связи для Нодиры являются возможным сценарием развития событий, хотя она и отказывается подробно обсуждать такую возможность и характер гарантий на этот случай.

К тому же, поскольку наказание за нарушение правила “180/90” носит отложенный характер, это создает надежды на какие-то события, которые снимут проблему. Таким событием могла бы стать амнистия для узбекских мигрантов, слухи о которой распространялись в 2017–2019 гг. и выглядели вполне реальными, учитывая опыт других стран и интенсивные переговоры между Россией и Узбекистаном о вступлении последней в Евразийский союз.

Наконец, мигранты планируют, как правило, свое будущее на короткие дистанции (Бредникова 2017), в этой схеме возвращение домой в Узбекистан является вполне приемлемым вариантом. Мигранты держатся только за долгосрочную и хорошо оплачиваемую работу, если же рабочая позиция не имеет перспектив (как в случае присмотра за ребенком, который быстро растет и становится самостоятельным) или если зарплата в результате инфляции падает, то путь обратно на родину превращается из далекого мифа во вполне реальный план. Нодира всегда внутренне готовится к такому сценарию, много говорит о нем, считает, что после женитьбы сына и замужества младшей дочери вернется, даже мечтает о жизни дома и планирует разные варианты своего трудоустройства в Узбекистане:

С.: И что дальше? Значит нужно искать какую-то работу... Вы там сразу не найдете, наверное, в Узбекистане работу какую-то.

Н.: Не, ну там сейчас очень хорошо, тоже можно няней устроиться.

С.: Можно, да?

Н.: Да. Вот, у меня сестра, как раз-таки, еще одна. В Ташкенте которая живет. Очень хорошо работает. 500 долларов получает.

С.: 500 долларов?

Н.: Да. Няней, да.

С.: То есть Вы думаете, что в принципе можно...

Н.: Она мне даже сама говорит: “Все, заканчивай, приезжай, я тебе здесь работу найду”.

С.: В Ташкенте, да?

Н.: Да, вот, говорит: “Это же Ташкент, не Москва, далеко так. А Ташкент – каждую неделю будешь ездить, выходные домой, там, все такое!” Я говорю: “Нет, подожди, ладно. Пока я здесь, у меня все хорошо” [смеется].

Такое возвращение не ломает социальный статус, а, наоборот, достраивает его. В таком возможном будущем Нодира уже видит свои плюсы: восстановление отношений с родственниками, помощь вышедшим замуж дочерям и женившемуся сыну в уходе за внуками. В ее случае это еще и решение спора о наследниках дома, который остался от родителей мужа и на который претендует сестра мужа. Важным для моей собеседницы является и пример двух сестер, которые много лет работали в Москве и создавали здесь тот социальный круг общения, в котором Нодира чувствовала себя защищенной и своей. Обе сестры решили вернуться в Узбекистан и уже предприняли какие-то практические шаги к этому, что стало для Нодире важным ориентиром ее собственных планов. Сестры и взрослые дети уговаривают и ее вернуться тоже, разными рациональными доводами и эмоциями давят на нее, зовут домой.

Впрочем, не исключает Нодира для себя, в случае запрета на въезд в Россию, и варианта уехать в миграцию в другие страны:

С.: А какие-нибудь другие варианты, там, Турция? Вообще, возможно, в принципе, там?

Н.: Ну, меня звали в Турцию, там.

С.: Арабские Эмираты?

Н.: Ну, в Арабских Эмиратах – там как бы нет зарплаты большой. Там от 300 долларов, 200 долларов...

С.: Ну, Вы тоже узнавали, да?

Н.: Да-да. 200 долларов, 400 долларов, ну так. А в Турции – там тоже неплохая зарплата. Там... Очень много моих знакомых. Работают, всё. Ну, тоже говорят: “Приезжай”...

С.: А кем работают?

Н.: Также по хозяйству помощники, там, за стариками смотрят, за детьми смотрят. Ну, такие...

С.: И тоже говорят “приезжай”, да?

Н.: “Приезжай” говорят, да. “Приезжай, а чего ты там в Москве, в Турции, там, это, мол, все хорошо, и близко, и... это”. Ну, я говорю: “Я как-то привыкла здесь. Как-то”... Здесь мне комфортней. Не знаю, может быть, где-то, может быть, там мне будет. Я не была в Турции, не знаю.

Запрет на въезд в Россию в этих множественных проекциях будущего совсем не выглядит для нее катастрофой, это скорее откладывающийся шаг, который необходимо рано или поздно будет сделать и который миграционная “русская рулетка” поможет ей сделать.

С.: Включили Вас в список или не включили. И что, вот? Вы для себя уже как-то запланировали? Вот, сейчас мне запрет...

Н.: Да...

С.: И что Вы будете делать?

Н.: Всегда думаю [смеется].

С.: И что Вы будете делать?

Н.: Обратно уеду [смеется].

Миф о возвращении, таким образом, легко соединялся с прагматикой подготовки к такому сценарию. Причем даже денежные потери не выглядели в этих проекциях будущего важным аргументом, так как Нодиры вполне могла рассчитывать на то, что ее младшая дочь или даже сын заменят ее в миграции на какое-то время. Не случайно в 2017 г., когда Нодиры отказалась от патентов, ее дочь приехала в Россию и стала искать варианты работать и учиться здесь. Этот сценарий, при котором неурегулированность статуса, выполнив свои задачи, в итоге должна привести к завершению миграционной биографии, принимается как должный и беспроблемный.

Н.: Вот, я знаю одну. Она, правда, из Киргизии. Она говорит: “Я уже пять лет никуда не выезжаю”. “Как ты так можешь?” А она говорит: “У меня, – говорит, – ни патента нет, ни регистрации, – говорит, – я не делала. И всё, – говорит, – а вот теперь, – говорит, – я работаю-наработаю, а потом, – говорит, – уеду, и всё, – говорит, – уже больше не приеду”.

* * *

Пандемия коронавируса в 2020–2021 гг. стала тем событием, которое вмешалось в российскую миграционную жизнь. Кто-то из мигрантов, потеряв работу или опасаясь болеть в чужой стране, использовал разные возможности, чтобы уехать домой. Кто-то остался и получил, согласно официально принятым чрезвычайным решениям, возможность жить и работать без необходимости нарушать законы. Правило “180/90” из-за карантина перестало действовать, и вся инфраструктура, связанная с его обходом, замерла. “Таксист” Алишер больше не отвозил клиентов к границе, но занялся строительными работами, и его заработки даже выросли. Узбекская няня Нодиры осталась в России и использовала карантинные обстоятельства для легализации своего положения: пять лет жизни без патента пока не “выстрелили” никаким наказанием, подкрепляя ее убежденность в том, что автоматическое наказание за нарушение правила “180/90” “вообще ни у кого не работает”. В конце 2021 г. для 158 тыс. граждан Узбекистана была проведена миграционная амнистия (РИА Новости 2021), все их прежние нарушения были вычеркнуты из “черного списка”, и мигрантская история “обнулилась”. Возможно, в число амнистированных попала и моя собеседница.

Я не буду прогнозировать, восстановятся ли после пандемии правило “180/90” и связанные с ним практики в прежнем виде, или российские чиновники попытаются модифицировать миграционные нормы в какой-то новой конфигурации. Я не собираюсь предрешать дальнейшую судьбу теперь уже 57-летней узбекской няни Нодиры. Эти примеры конкретных законов и конкретных человеческих ситуаций демонстрируют, на мой взгляд, некоторые общие особенности трудовой иностранной миграции в России, о которых я хотел сказать в своей статье.

Вывод, к которому я пришел, заключается в том, что российский миграционный режим, т.е. совокупность миграционных законов и инструкций, ин-

ституты, политических программ и заявлений, своей внутренней противоречивостью и репрессивностью создает и воспроизводит неопределенный статус мигрантов, которые, в свою очередь, стигматизируются в российском обществе как “нелегалы”. Механизмы и институты миграционного надзора с помощью единой базы учета, фиксирующей все передвижения и действия мигрантов и автоматически выставляющей наказания в виде так наз. черных списков, умножают эту неопределенность. Как пишет Ривз, “мы могли бы представить черный список как своего рода управление с помощью неопределенности: т.е. через распространение юридических, практических и экзистенциальных неопределенностей посредством размножения цифровых данных и невидимости их многочисленных присвоений” (Reeves 2017: 303). Неопределенность, в которой оказываются безвизовые иностранцы в России, является не побочным или случайным эффектом недоработанности законов и технологий, а базовой чертой этого самого миграционного режима, выделяющего приезжих в особую категорию чрезвычайного и волюнтаристского/ручного управления. Эта неопределенность позволяет чиновникам и политикам сосредотачивать в своих руках большую власть для точечных интервенций в миграционные процессы и одновременно получать от этого высокие символические и экономические прибыли.

Второй мой вывод состоит в том, что сами мигранты разрабатывают и осваивают разные способы нормализации своей жизни в условиях такой неопределенности. Они адаптируются к российским условиям, используя противоречия самих законов и инструкций, пробелы в них и неясные, открытые для разных интерпретаций нормы, ограниченные возможности институтов контроля, какие-то недоработки, сбои и поломки в коммуникации и в технологии. Созданная законами и технологиями неопределенность компенсируется появлением, во многом стихийным, устойчивых неформальных отношений, инфраструктур и практик, которые пристраиваются к официальному режиму, срастаются с ним. Трудовые мигранты постоянно ищут пути наиболее упрощенной и удешевленной легализации и нормализации – пусть частичной, но приемлемой для жизни в России – своего статуса в существующей ситуации. Такая нормализация требует от иностранцев особых “мигрантских” навыков маневрирования и избегания дополнительных рисков и лишних расходов, умения общаться с работодателями и представителями государства, усилий по поддержанию сетей доверия. У приезжих формируются особые техники контроля своих эмоций с помощью фаталистической риторики и прагматического планирования своего “мигрантского” многоценарного настоящего и будущего.

Примечания

¹ Исследование проводилось при Европейском университете в Санкт-Петербурге в рамках проекта “Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России”, который финансировался Российским научным фондом (гранты № 14-18-02149 и 14-18-02149А). Я выражаю признательность О. Чудиновских и В. Чупик за консультации, а также анонимным рецензентам за полезные комментарии.

² Такой практикой пользовались, опять по самым грубым прикидкам, почти половина тех граждан Узбекистана, кто не брал патенты, или около 200–300 тыс. мигрантов из этой страны.

³ Данные по числу запретов на въезд можно найти на сайте МВД. См., напр.: “Основные показатели по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года”. <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859>

Источники и материалы

- ГоворитМосква 2017 – Собянин: без мигрантов в Москве “ситуация будет не очень хорошая” // ГоворитМосква. 94,8 fm. 23.11.2017. <https://govoritmoskva.ru/news/142478>
- Мкртчян, Флоринская 2019 – Мкртчян Н., Флоринская Ю. Миграционная ситуация // Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 – август 2019 г. / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, 2019. С. 37–44.
- РИА Новости 2021 – Россия объявила о “миграционной амнистии” для 158 тысяч жителей Узбекистана // РИА Новости. 13.10.2021. <https://ria.ru/20211013/amnistiya-1754464567.html>
- Трушин 2019 – Трушин А. Квоты в мешке: Правительство расписало трудовых мигрантов по отраслям // Коммерсантъ-Огонек. 05.11.2019. <https://www.kommersant.ru/amp/4142360>
- ФЗ 115 – Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” от 25.07.2002 N 115-ФЗ. Ст. 5. <https://fzrf.su/zakon/o-pravovom-polozhenii-inostrannyh-grazhdan-115-fz/st-5.php>

Научная литература

- Бредникова О. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 32–47.
- Бредникова О., Абашин С. (ред.) Жить в двух мирах. Переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: НЛЮ, 2021.
- Варишвер Е., Рочева А. Вглядываясь в “этническое” сообщество: отличия характеристик интеграции в “земляческо-родственные” и “национальные” круги на примере мигрантов из Кыргызстана в Москве // Социальная политика и социология. 2015. № 14 (3). С. 24–38.
- Григоричев К.В. “Таджики”, “нерусские”, “гастарбайтеры” и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 14–31.
- Карпенко О. Реформы миграционной политики: принуждение к интеграции // Реформы в России в 2000-е годы / Отв. ред. С.Ю. Барсукова. М.: Издательский дом “Высшая школа экономики”, 2016. С. 138–176.
- Мукомель В.И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005.
- Полетаев Д. Мигрантофобия и миграционная политика // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Ред. В.И. Мукомель. М.: Academia, 2014. С. 5–19.
- Тимошкин Д.О. Тема снижения издержек на легализацию в принимающей стране: обсуждение в русскоязычных мигрантских интернет-сообществах // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 56–71.
- Alexseev M. The Asymmetry of Nationalist Exclusion and Inclusion: Migration Policy Preferences in Russia, 2005–2013 // Social Science Quarterly. 2015. Vol. 96. No. 3. P. 759–777.
- Borrelli L.M., Andretta S. Introduction: Governing Migration through Paperwork // Journal of Legal Anthropology. 2019. Vol. 3. No. 2. P. 1–9.
- De Genova N. Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life // Annual Review of Anthropology. 2002. № 31. P. 419–447.
- De Genova N. Spectacles of Migrant “Illegality”: The Scene of Exclusion, the Obscene of Inclusion // Ethnic and Racial Studies. 2013. Vol. 36. No. 7. P. 1180–1198.

- Demintseva E.* Educational Infrastructure Created in Condition of Social Exclusion: “Kyrgyz’ Clubs” for Migrant Children in Moscow // *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39. No. 2. P. 220–235.
- Denisenko M., Strozza S., Light M.* (eds.) Migration from the Newly Independent States: Societies and Political Orders in Transition. Cham: Springer, 2020.
- Kashnitsky D., Demintseva E.* “Kyrgyz Clinics” in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants // *Medical Anthropology: Cross-Cultural Studies in Health and Illness*. 2018. Vol. 37. No. 5. P. 401–411.
- Kubal A.* Entry Bar as Surreptitious Deportation? Zapret na v’ezd in Russian Immigration Law and Practice: A Comparative Perspective // *Law&Social Inquiry*. 2017. Vol. 42. No. 3. P. 744–768.
- Kuznetsova I., Round J.* Postcolonial Migrations in Russia: The Racism, Informality and Discrimination Nexus // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2019. Vol. 39. No. 1–2. P. 52–67.
- Malakhov V., Simon M.* Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality // *International Migration*. 2018. Vol. 56. No. 3. P. 61–72.
- Ngai M.M.* Impossible Subjects: Illegal Aliens and the Making of Modern America. Princeton: Princeton University Press, 2014.
- Reeves M.* Clean Fake: Authenticating Documents and Persons in Migrant Moscow // *American Ethnologist*. 2013. Vol. 40. No. 3. P. 508–524.
- Reeves M.* Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy, and the “Feel of Law” in Migrant Moscow // *Social Analysis*. 2015. Vol. 59. No. 4. P. 119–136. <http://dx.doi.org/10.3167/sa.2015.590408>
- Reeves M.* The Black List: On Infrastructural Indeterminacy and Its Reverberations // *Infrastructures and Social Complexity: A Companion* / Eds. P. Harvey, C. Bruun Jensen, A. Morita. L.: Routledge, 2017. P. 296–308.
- Rubinov I.* Migrant Assemblages: Building Postsocialist Households with Kyrgyz Remittances // *Anthropological Quarterly*. 2014. Vol. 87. No. 1. P. 183–215.
- Schenk C.* Why Control Immigration? Strategic Uses of Migration Management in Russia. Toronto: University of Toronto Press, 2018.
- Turaeva R.* Imagined Mosque Communities in Russia: Central Asian Migrants in Moscow // *Asian Ethnicity*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 131–147.
- Turaeva R., Amon I.* Deportation Regimes in the Post-Soviet Space: Producing Deportable Migrants in the Russian Federation // *Labour, Mobility and Informal Practices in Russia, Central Asia and Eastern Europe: Power, Institutions and Mobile Actors in Transnational Space* / Eds. R. Turaeva, R. Urinboyev. L.: Routledge, 2021. P. 51–68.
- Urinboyev R.* Migration and Hybrid Political Regimes Navigating the Legal Landscape in Russia. Oakland: University of California Press, 2021.
- Varshaver E., Rocheva A.* Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow’s Ethnic Cafés // *Urbanities. Journal of Urban Ethnography*. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 42–58.
- Varshaver E., Rocheva A.* “Homeland-Rooted” or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants’ “Co-Ethnic” Ties Affect Their Patterns of Integration? // *Journal of International Migration and Integration*. 2021. Vol. 22. No. 1. P. 347–368.

Research Article

Abashin, S.N. Russian Roulette for Migrants: Creation of Uncertainty and the Pragmatics of Fatalism [Russkaia ruletka dlia migrantov: proizvodstvo neopredelennosti i pragmatika fatalizma]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022,

no. 4, pp. 5–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040017> EDN: HWPGIX
ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and
Anthropology RAS]

Sergei Abashin | <https://orcid.org/0000-0002-4873-1596> | s-abashin@mail.ru |
European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya Str., St. Petersburg, 191187,
Russia)

Keywords

transnational migration, migration policy, Central Asia, fatalism

Abstract

This article focuses on current Russian immigration legislation and practices. On the one hand, foreigners from a number of post-Soviet countries are allowed to freely cross borders under the existing policy; on the other hand, that very policy creates complicated and expensive ways to regulate the status of such people. As a result, the vast majority of foreign labour migrants have paper issues, and the very status of the correct papers is in the gray zone of constant negotiations between migrants, entrepreneurs, police officers and human rights activists. In this article, I examine the “180/90” rule under which a special programme automatically records people entering and leaving the country – and thus regulates the stay of foreigners in Russia. The frequent glitches in the programme create a space for unpredictable decision-making, and migrants use it to bypass the legislation and partially legalise their stay. This plexus of policy, technology and migrants’ daily practices illustrates how the Russian immigration legislation regulates migration by creating uncertainty.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no.
14-18-02149, 14-18-02149A]

References

- Alexseev, M. 2015. The Asymmetry of Nationalist Exclusion and Inclusion: Migration Policy Preferences in Russia, 2005–2013. *Social Science Quarterly* 96 (3): 759–777.
- Borrelli, L.M., and S. Andreetta. 2019. Introduction: Governing Migration through Paperwork. *Journal of Legal Anthropology* 3 (2): 1–9.
- Brednikova, O. 2017. (Ne)vozvrashchenie: mogu li migranty stat' byvshimi? [(Non) Return: Can Migrants Become Exes?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 32–47.
- Brednikova, O., and S. Abashin, eds. 2021. *Zhit' v dvukh mirakh. Pereosmysliiaia transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality]. Moscow: NLO.
- De Genova, N. 2002. Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life. *Annual Review of Anthropology* 31: 419–447.
- De Genova, N. 2013. Spectacles of Migrant “Illegality”: The Scene of Exclusion, the Obscene of Inclusion. *Ethnic and Racial Studies* 36 (7): 1180–1198.
- Demintseva, E. 2020. Educational Infrastructure Created in Condition of Social Exclusion: “Kyrgyz’ Clubs” for Migrant Children in Moscow. *Central Asian Survey* 39 (2): 220–235.
- Denisenko, M., S. Strozza, and M. Light, eds. 2020. *Migration from the Newly Independent States: Societies and Political Orders in Transition*. Cham: Springer.
- Grigoriev, K.V. 2012. “Tadzhiki”, “nerusskie”, “gastarbaitery” i drugie:

- inostrannye trudovye migranty v prigorodakh Irkutsk [“Tajiks”, “Non-Russians”, “Gastarbeiters” and Others: Foreign Labor Migrants in the Suburbs of Irkutsk]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 14–31.
- Karpenko, O. 2016. Reformy migratsionnoi politiki: prinuzhdenie k integratsii [Migration Policy Reforms: Forcing Integration]. In *Reformy v Rossii v 2000-e gody* [Reforms in Russia in the 2000s], edited by S.Y. Barsukova, 138–176. Moscow: Izdatel'skii dom “Vysshaia shkola ekonomiki”.
- Kashnitsky, D., and E. Demintseva. 2018. “Kyrgyz Clinics” in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants. *Medical Anthropology: Cross-Cultural Studies in Health and Illness* 37 (5): 401–411.
- Kubal, A. 2017. Entry Bar as Surreptitious Deportation? Zapret na v'ezd in Russian Immigration Law and Practice: A Comparative Perspective. *Law&Social Inquiry* 42 (3): 744–768.
- Kuznetsova, I., and J. Round. 2019. Postcolonial Migrations in Russia: The Racism, Informality and Discrimination Nexus. *International Journal of Sociology and Social Policy* 39 (1–2): 52–67.
- Malakhov, V., and M. Simon. 2018. Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality. *International Migration* 56 (3): 61–72.
- Mukomel, V. 2005. *Migratsionnaia politika Rossii: postsovetskie konteksty* [Migration Policy of Russia: Post-Soviet Contexts]. Moscow: Dipol'-T.
- Ngai, M.M. 2014. *Impossible Subjects: Illegal Aliens and the Making of Modern America*. Princeton: Princeton University Press.
- Poletaev, D. 2014. Migrantofobiia i migratsionnaia politika [Migrant-Phobia and Migration Policy]. In *Migranty, migrantofobii i migratsionnaia politika* [Migrants, Migrant-Phobia and Migration Policy], edited by V.I. Mukomel, 5–19. Moscow: Academia.
- Reeves, M. 2013. Clean Fake: Authenticating Documents and Persons in Migrant Moscow. *American Ethnologist* 40 (3): 508–524.
- Reeves, M. 2015. Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy, and the “Feel of Law” in Migrant Moscow. *Social Analysis* 59 (4): 119–136. <http://dx.doi.org/10.3167/sa.2015.590408>
- Reeves, M. 2017. The Black List: On Infrastructural Indeterminacy and Its Reverberations. In *Infrastructures and Social Complexity: A Companion*, edited by P. Harvey, C. Bruun Jensen, and A. Morita, 296–308. London: Routledge.
- Rubinov, I. 2014. Migrant Assemblages: Building Postsocialist Households with Kyrgyz Remittances. *Anthropological Quarterly* 87 (1): 183–215.
- Schenk, C. 2018. *Why Control Immigration? Strategic Uses of Migration Management in Russia*. Toronto: University of Toronto Press.
- Timoshkin, D. 2019. Tema snizheniia izderzhkek na legalizatsiiu v primimaiushchei strane: obsuzhdenie v russkoiazыchnykh migrantskikh internet-soobshchestvakh [Reducing Legalization Expenses as a Topic in Russian-Speaking Migrant Online Communities]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 25 (4): 56–71.
- Turaeva, R. 2018. Imagined Mosque Communities in Russia: Central Asian Migrants in Moscow. *Asian Ethnicity* 20 (2): 131–147.
- Turaeva, R., and I. Amon. 2021. Deportation Regimes in the Post-Soviet Space: Producing Deportable Migrants in the Russian Federation. In *Labour, Mobility and Informal Practices in Russia, Central Asia and Eastern Europe: Power, Institutions and Mobile Actors in Transnational Space*, edited by R. Turaeva and R. Urinboyev, 51–68. London: Routledge.
- Urinboyev, R. 2021. *Migration and Hybrid Political Regimes Navigating the Legal Landscape in Russia*. Oakland: University of California Press.
- Varshaver, E., and A. Rocheva. 2015. Vgliadyvaias' v “etnicheskoe” soobshchestvo:

otlichiiia kharakteristik integratsii v “zemliachesko-rodstvennye” i “natsional’nye” krugi na primere migrantov iz Kyrgyzstana v Moskve [Looking into an “Ethnic” Community: Differences between the Types of Integration into “Kin” and “National” Circles (the Case of Migrants from Kyrgyzstan in Moscow)]. *Sotsial’naia politika i sotsiologiia* 14 (3): 24–38.

Varshaver, E., and A. Rocheva. 2018. Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow’s Ethnic Cafés. *Urbanities. Journal of Urban Ethnography* 8 (2): 42–58.

Varshaver, E., and A. Rocheva. 2021. “Homeland-Rooted” or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants’ “Co-Ethnic” Ties Affect Their Patterns of Integration? *Journal of International Migration and Integration* 22 (1): 347–368.